



Ювал Харари

21 урок для XXI века

21 урок для XXI века

Оригинальное название:
21 Lessons for the 21th Century

Автор:
Yuval Noah Harari

Тема:
Обязательное чтение



Smart Reading
Ценные идеи из лучших книг

Харари о настоящем

«21 урок для XXI века» занимает промежуток между двумя фундаментальными трудами — Homo Sapiens, описывающим прошлое человечества, и Homo Deus, заглядывающим в его будущее. Эта книга сосредоточена на текущем моменте и потому, естественно, объемом намного меньше обеих других книг: охватываемый период времени и круг проблем сравнительно мал. Но это самый важный период и животрепещущие проблемы — то, что происходит с нами сейчас и определяет дальнейший путь человечества.

Вопросов больше, чем ответов, ведь «настоящее» всегда находится в движении, и едва ли возможно с полной уверенностью зафиксировать именно те явления и тенденции, которые окажутся наиболее важными. Может быть, некоторые наши достижения покажутся незначительными, другие не удастся закрепить, зато и страшные прогнозы не сбудутся.

Специфика настоящего и наступающего, по мнению Харари, заключается в глобализации экологических и экономических проблем и развитии кардинально меняющих мир и самого человека биотехнологий и инфотехнологий.

Стресс, порожденный нарастающей сложностью мира и стремительными переменами, сочетается с разочарованием в либерализме. После Холодной войны либерализм восторжествовал практически во всем мире и оказался единственной работающей моделью человеческого общества. Тем самым любые проблемы зачастую рассматриваются именно как последствия либерализма, и в качестве лекарства часто предлагается возвращение к национализму или архаическим формам управления.

Однако другой системы у нас просто нет, говорит Харари, либерализм единственный доказал свою жизнеспособность. В нем таятся те силы — привычка сверяться с реальностью, уважение к разуму, навык сотрудничества, сострадание, — которые способны вывести нас из тупика и предохранить от апокалипсиса.

Да и чересчур увлекаться апокалиптическими сценариями не стоит. Действительно, каждый человек по отдельности почти не разбирается в мире, где он живет. Лучше смиренно признать: «Я не понимаю, куда все это ведет», — и искать ответ в совокупном человеческом разуме. Пророк грядущей катастрофы лишен смирения, он уверен, что видит лучше прочих и точно может сообщить слепцам, куда катится мир.

На самом деле, куда катится мир, не знает даже Харари. Обсуждая глобальные проблемы, он постоянно дает один и тот же совет: вернуться к первоосновам. Всмотреться во взаимодействие нейронов и синапсов в собственной голове. Затем — в такую же работу нейронов и синапсов в голове другого человека. Постоянная сверка с этой малой реальностью, которая всегда под рукой, способна спасти от мифов и приводит к состраданию, взаимопониманию и сотрудничеству.

1. Конец истории или конец либерализма?

Либерализм сулит человеку свободу выбора, причем информированного выбора. Это касается не только политики, но и решений, где жить, какую предпочесть профессию, с кем общаться, что покупать. Свободой и сопряженной с ней ответственностью определяется достоинство человека.

Поначалу права человека распространялись на весьма ограниченный круг европейцев и их потомков в колониях. Все прочие расы, женщины, религиозные, сексуальные и любые другие меньшинства исключались из привилегированного круга.

Хотя Вторая мировая война воспринимались в западных странах как борьба за либеральные ценности против тоталитаризма и расизма, освобожденные от гитлеровских войск европейцы поспешили восстановить свои колонии.

Постепенно круг эмпатии расширялся. Либерализм не только боролся против коммунизма, но и признал коммунистические ценности равенства и социальной солидарности как свои исконные.

Даже США с их крайним индивидуализмом ввели пособие под девизом: «У голодного ребенка свободы нет».

В итоге Холодной войны победил усовершенствованный либеральный «пакет»:

- Права человека.
- Демократическое правление.
- Свободный рынок.
- Социальные гарантии (пособия, медицина, образование, пенсия).

Либерализм на данный момент является единственной эффективной моделью. Объявленный Фукуямой «конец истории» подразумевал прекра-

щение соперничества двух систем, устранение опасности крупной войны, единое свободное человечество. «Либеральный миф» предполагает универсальные ценности: права человека, свободный рынок, всемирную экономику, внутри которых всем — и частным лицам, и группам людей, и государствам — обеспечено процветание и доля «растущего пирога».

Страны Восточного блока и бывшие колониальные страны спешили внедрить либерализм, иногда в карикатурном виде «дикого капитализма»: мол, всеобщие выборы и «невидимая рука рынка» решат все проблемы.

Завышенные ожидания «новых либералов» и ревнивые опасения тех, кто считал, что «новые» пришли на готовенькое, в результате экономического кризиса 2008 года обернулись разочарованием в современной форме либерализма и особенно возмущением против глобализма.

Обвинения «зеркалят» друг друга: жители развивающихся стран опасаются, что под видом демократии им навязали ту же колониальную власть, губят древнюю культуру, отбирают ресурсы, не дают развиваться, богатые страны якобы стремятся ограничить рождаемость в бедных и закрепить неравенство. В развитых странах многие считают, что их работу отнимут иммигранты или производство уйдет туда, где труд дешевле, всеобщие выборы — надувательство, европейская культура уничтожается исламом (или же толерантностью), элита становится все богаче и стремится сократить население и увековечить неравенство.

Означает ли это, что «конец истории» вовсе не наступил (разве что грозит наступить в форме ядерной войны), зато наступил «конец либерализма»?

Многие полагают, что либерализм в том или ином виде сохранится, но необходим отказ от глобализма: в этом мире каждый за себя, различие культур и систем не позволит действовать согласовано. К тому же глобальный мир слишком сложен, а либерализм предполагает, что важнейшие решения принимаются рядовыми гражданами. В условиях глобализма выборы и другие политические решения с помощью голосования превращаются в формальность или манипуляцию — ведь люди не понимают, «как это работает», не могут разобраться в хитросплетениях множества интересов, отличить правду от пропаганды, осознать опасности новых технологий.

Избиратели регулярно высказываются против атомных электростанций, потому что видят опасность в атоме, хотя бы и мирном, а не в парниковом эффекте, от которого мы вполне можем погибнуть уже в XXI веке.

Но возможно ли сохранить «либерализм без глобализма» и не обращаются ли доводы против глобализма также и против либерализма в его привычной форме? Совместимы ли всеобщее право голоса, уважение к свободному волеизъявлению каждого с концепцией информированного выбора в условиях бесконечно усложненного мира?

Инфотехнологии способны разгадать действующие в нашем мозгу алгоритмы, более того — способны на них повлиять или же принять за нас «лучшее решение». Не сменится ли демократия автоматическим управлением, не будут ли вместо избирателей и президентов действовать алгоритмы?

Игру на бирже сейчас в основном ведут алгоритмы. За нас принимают решение поисковые системы, выдавая ссылки в той последовательности, какую сочтут оптимальной.

Не прячется ли за борьбой как против глобализма, так и против либерализма, за откатом к традиционному, национальному (и чаще всего выдуманному), иной, экзистенциальный страх: **меняется само понятие о человеке**. В последние двести лет он привык чувствовать себя господином природы, но сейчас опасается, что создал себе господина: либо международную элиту, либо и вовсе искусственный интеллект.

2. Глобализм: возможности и вызовы

Биологический алгоритм предусматривает лояльность человека небольшой группе, с которой его объединяет общность судьбы: племени, боевому отряду, семейной компании. Лояльность народу или государству (даже сравнительно небольшому — несколько десятков тысяч человек, античному) биологически не обусловлена. Она возникает в последние тысячелетия, то есть не в результате эволюции, а как социальный конструкт.

В чем состоит единство «немецкой нации»? Она существовала в виде империи и отдельных малых государств, в виде единой милитаристской Германии Бисмарка, Веймарской республики, гитлеровского Рейха, в виде двух Германий, одна из которых строила социализм, ныне — в виде единой демократической Германии. Язык за века изменился, образ жизни, система ценностей — тоже. Фактически «быть немцем» значит принимать совокупность и преемственность перемен.

Государства, религиозные и национальные общности были необходимы для выживания, они обеспечивали защиту от внешних врагов и поддержку в лю-

бых обстоятельствах. Зато они и требовали безусловной преданности. Чтобы люди платили налоги и отдавали жизнь на войне, нужны мощные национальные мифы и символы, сложный аппарат пропаганды и просвещения. Национализм — вовсе не архаический пережиток, избавившись от которого мы бы очутились в раю либерализма и всеобщего братства.

Национализм весьма силен в таких мирных и процветающих странах, как Швеция, Германии, Швейцария, а страны, лишившиеся национальных уз, чаще всего погружаются в хаос племенных раздоров, как Афганистан.

Не следует путать национализм с шовинизмом и фашизмом.

Национализм: «Мой народ уникален (как и каждый народ), и я имею перед ним серьезные обязательства».

Шовинизм: «Мой народ превыше всех, и я имею перед ним исключительные обязательства».

Фашизм: «Только мой народ имеет значение, и ради его блага можно принести в жертву хоть все человечество».

Поскольку нация, как и государство, является фикцией и состоит из людей, не соединенных кровным родством, современный национализм обычно отказывается от апелляции к «крови и почве», заменяя их преданностью флагу, институтам, истории и в целом «культуре».

После 1945 года опыт произошедших катастроф и страх глобального уничтожения породил новую лояльность — человечеству. Атомная бомба изменила геополитику. Страны с самым разным режимом — США и СССР, капиталистические государства Европы и Китай — сумели не только предотвратить ядерную войну, но и Холодную войну и порожденные ею конфликты свести к минимальному кровопролитию. Однако угроза ядерной войны остается одной из трех глобальных проблем, которые могут решаться лишь совместными усилиями человечества.

Вторая, и на данный момент более вероятная угроза — экологическая. Из серийного убийцы человек превращается в массового.

Если в ближайшие 20 лет не сократить выблопы газов с парниковым эффектом, средняя температура на Земле повысится более чем на 2 градуса, что приведет к таянию полярных льдов, распространению пустынь, затоплению значительных территорий. Сотни миллионов людей лишатся крова. Таяние

льдов запустит цепную реакцию: меньше солнечных лучей будет отражаться от Земли, и нагрев ускорится.

Но в отличие от ядерной войны, которая одинаково страшна для всех, потепление угрожает разным странам в разной степени, и заинтересованность в переходе на возобновляемые источники энергии тоже разная.

Для России потепление даже благоприятно, но Кирибати исчезнет с лица Земли. Страны-поставщики углеродов зависят от этой отрасли экономики, но Китай, Япония и Южная Корея предпочли бы избавиться от импорта нефти и газа.

Третья общая проблема — как относиться к преобразующим и подрывающим мир инфо- и биотехнологиям. Ни одна страна не пожелает запретить их у себя хотя бы из страха отстать в этой гонке. Выработка единой этики, запрет тех технологий, которые ставят под угрозу будущее человечества, достоинство человека или социальный мир, возможны только на мировом уровне.

Каждая из этих трех проблем угрожает будущему человечества, но в совокупности они породили невиданный прежде экзистенциальный кризис, охвативший весь мир. Перед лицом этих глобальных проблем привычная национальная политика утратила эффективность. Из этой ситуации предлагается два выхода:

- Деглобализовать экологию, экономику и науку, то есть предоставить каждой стране самостоятельно решать эти вопросы.

Именно такой выбор предлагают изоляционисты: укрепим свой суверенитет, а до общих проблем нам и дела нет.

- Глобализовать политику.

Экологию и науку разделить на национальные проблемы не удастся. Да и деглобализация экономики — затея весьма накладная. Следовательно, придется глобализовать политику, однако речь идет не о затеях создать всемирное правительство. Различного рода наднациональные структуры лишь умножают бюрократический аппарат, усугубляют чувство отчуждения частного человека от усложнившейся структуры мира, порождают недовольство, которым пользуются демагоги, и провоцирует «брекситы».

Глобализация политики подразумевает включение глобальных проблем и интересов в повестку дня на уровне каждой страны и даже города.

Раздельный сбор мусора — пример глобального сознания на локальном уровне.

3. Человек против машины. Как изменится работник и его труд

Из всех новых технологий определяющими для XXI века станут биологические и информационные. Развитие информационных технологий вплотную подошло к созданию искусственного интеллекта, то есть алгоритмов, способных управлять машинами, просчитывать множество вероятностей, ставить диагноз. Искусственный интеллект обладает тем качеством, которое мы привыкли называть интуицией и считать сугубо человеческим. На самом деле интуиция — это чрезвычайно быстрая обработка сигналов и сопоставление их с накопленным опытом.

На уровне «обычного человека» ИИ вызывает два опасения:

- Нашу работу отберут роботы.
- Нами будут манипулировать.

Развитие технологий всегда сопряжено с исчезновением ряда профессий или резким сокращением рабочих рук в конкретной отрасли.

До Промышленной революции девять десятых населения любой страны составляли крестьяне. Ручной труд был основой экономики 70 лет назад.

Любые технологии не только отнимают рабочие места, но и создают новые.

Для обслуживания самолета-беспилотника требуется 30 техников и 80 специалистов по обработке созданных им данных.

Чем отличается нынешняя ситуация и почему на этот раз будет сложнее переквалифицировать освободившихся работников и найти им места?

- Профессии, связанные с обслуживанием ИИ и обработкой данных, слишком сложны, для овладения ими могут понадобиться годы.
- Не каждый безработный решится в середине жизни на такие перемены.
- Не хватает государственных программ для финансирования переобучения и поддержания уровня жизни студента и его семьи.

- За несколько лет и эти навыки могут устареть.

Слова «То, что вы узнаете на первых двух курсах, устареет прежде, чем вы покинете университет» стали уже привычными для студентов.

- В долгосрочной перспективе ИИ перейдут на самообслуживание, поэтому вкладываться в переквалификацию невыгодно.
- Школа и даже институт утрачивают связь с жизнью: за время учебы ситуация на рынке труда может измениться, и тем более она неоднократно изменится при жизни одного поколения.

Принципиальное отличие нынешней ситуации: раньше технологии освобождали человека от физического или монотонного труда, а теперь вытесняют человека там, где он привык считать себя незаменимым.

Нас ждет появление роботов-врачей, юристов, финансистов. Уже сейчас значительную часть биржевой игры осуществляют алгоритмы.

Кроме того, раньше экспоненциально росло потребление. Если появлялся способ производить вместо одних брюк десять, находились и покупатели на эти брюки. Но сейчас это означает просто сокращение рабочих мест.

В краткосрочной перспективе государство может смягчать проблему, спонсируя переобучение и тормозя внедрение некоторых технологий. В долгосрочной перспективе нужно перестраивать отношение к труду и заработной плате.

Некоторые развитые страны присматриваются к идее базового дохода. Это решит самую элементарную проблему безработицы — люди не умрут с голода, однако останутся другие проблемы:

- Работа — важнейший маркер социального статуса человека.
- Многие опасаются, что машины вытеснят людей: «золотой миллиард» будет в мягкой или жесткой форме сокращать лишнее население.
- С работой сопряжены основные права гражданина и возможность влияния на «верхи».

Сейчас работники могут добиться улучшений с помощью забастовки. Но на пожизненном соцобеспечении как заставить прислушаться к себе?

Следует пересмотреть само понятие общественно полезной и оплачиваемой работы. Например, можно признать работой и оплачивать:

- воспитание детей;
- организацию общественных объединений в своем квартале;
- пропаганду и поддержание экологически чистого образа жизни;
- некоторые хобби.

Вопрос о работе является не только экономическим и социальным. Это вопрос о статусе и достоинстве человека, смысле его существования.

4. Инфотехнологии и биотехнологии: человек отменяется?

За страхом потерять работу и остаться ненужным таится **экзистенциальная проблема XXI века (и всего нашего будущего): исчезновение homo sapiens в том виде, в каком мы привыкли себя представлять.**

Информационные технологии в сочетании с биотехнологиями «вскрыли» наш мозг. Алгоритмы наших решений теперь понятны, и на них можно влиять, можно даже принимать их за нас.

Ключевые слова в рекламе подбираются уже даже не с учетом целевой аудитории, а с учетом поисковой системы, чтобы попасть в топ.

На уровне отдельной личности возникает сильный страх не вписаться в эпоху перемен или же, наоборот, измениться слишком сильно и перестать быть собой. Этот страх проявляется и в виде протеста против глобализма: человеку кажется, что он сохранит смысл в принадлежности к традиции и культуре, что в этой цельности ему легче будет воспротивиться переменам.

На уровне социальном существенно опасение, что под видом либеральной демократии осуществляется тотальная манипуляция. Большие данные сделали каждого «прозрачным», жизненно важные решения принимаются алгоритмами, инфо- и биотехнологии управляют нашим разумом и эмоциями. Не движемся ли мы напрямиком в Дивный новый мир?

Известны биохимические реакции, которые мы воспринимаем как эмоции и состояния души, и созданы лекарства, управляющие эмоциями. Наша интуиция — всего лишь алгоритм, как и свобода воли.

С одной стороны, человек рискует утратить такие неотъемлемые атрибуты, как свободу воли, постоянные ценности, статус гражданина, а с другой стороны, открывается возможность для экспериментов и создания сверхчеловека.

Биотехнологии способны продлить жизнь на столетия, наделять нас новыми органами восприятия, тандем человека с искусственным интеллектом «объедает» и человека, и машину. В перспективе — физическое бессмертие благодаря клонам или же в форме алгоритма.

Возникают опасения, что нынешняя элита использует технологии в своих интересах, навсегда закрепит свое положение и на том прекратится всякая социальная мобильность и возможность демократии.

Элита может улучшить ДНК своего потомства, обеспечить бессмертие только себе, лишит такой возможности всех остальных, и уже это приведет к непреодолимому социальному расслоению. С помощью ИИ элита будет принимать быстрые и безошибочные решения.

Означает ли все это, что обычный человек отменяется? И какие стратегии следует выстроить для индивидуального и видового самосохранения?

5. Школа в эпоху перемен

Либеральное образование избегало «великих нарративов» из страха перед авторитаризмом. Предполагалось, что задача школы — дать ученикам много знаний и предоставить свободу, а молодежь создаст собственную картину мира. Даже если нынешнее поколение не сумеет соединить все данные в последовательный и значимый нарратив о мире в целом, этим синтезом займутся наши потомки.

Но особенность — и угроза — текущего момента в том и заключается, что время истекло. Нам предстоит в ближайшие десятилетия принять решения, которые определяют будущее жизни на Земле, а любые решения принимаются на основании имеющегося мировоззрения. Если юное поколение вырастет без «космического» мировоззрения, самое судьбоносное в нашей истории решение будет приниматься вслепую.

Изменилась цена знания. Еще в XIX веке его не доставало, сейчас информации слишком много, и она теряет достоверность и ценность.

В любом уголке Земли мы можем наблюдать бомбардировку Алеппо или таяние полярных льдов. Но при этом мы столкнемся с множеством противоречивых версий и не будем знать, кому верить. Кроме того, постоянно вторгается другая информация и мешает сосредоточиться.

Сейчас школьнику требуется не массив знаний и даже не умение их добывать, но развитый навык отличать истину от лжи, существенные подробности от второстепенных и, самое главное, умение соединять разрозненную и пеструю информацию в достаточно цельную картину.

Детям дают слишком конкретные и негибкие навыки: решать уравнения, проводить опыты, писать компьютерные программы, разговаривать по-китайски. Все это сможет взять на себя ИИ.

Прогрессивные педагоги предлагают сосредоточиться на четырех К (критическое мышление, коммуникация, командная работа и креативность). Вместо конкретных технических навыков давать общие и гибкие жизненные навыки. И самым главным навыком станет умение принимать перемены, всегда учиться новому и сохранять равновесие в непривычной ситуации.

Настала пора честно говорить подросткам, что они не должны полагаться на старших. Вместе с тем нельзя полагаться и на технологии. Каждому остается лишь рассчитывать на самого себя. Познать себя — в изменениях — и не принимать за «Я» тот голос, что вторит пропаганде, коммерческой рекламе или моделируется биохимически.

Человек будущего должен стать «автохакером». Постичь алгоритмы, которые управляют им. Отказаться от привычных источников смысла — как «великих нарративов» религии, национализма и т. д., так и мифа о свободе воли.

6. Сострадание как единственная реальность

В середине XXI века мы будем окружены новыми идеями и продуктами. Человек будет все время заново изобретать самого себя.

Биотехнологии и инфотехнологии изменят само понятие «быть человеком». Преобразятся фундаментальные структуры жизни, и основным качеством человека станет изменчивость.

Возможно, появятся новые формы человеческой жизни, от киборгов до облака данных. Гендерная идентичность станет флюидной, компьютерный интерфейс одарит человека новыми ощущениями.

Поиски идентичности сделаются намного более сложными и насущными, чем когда-либо прежде. Это уже происходит, и именно этим вызван высокий уровень стресса. Мы наблюдаем попытки «сохранить стабильность»: в лучшем случае мир проносится мимо тех стран и людей, кто не желает меняться, в худшем — возникает конфликт.

Различные мифы, на которые человек привык опираться — национальные, религиозные, — отпадают, и остается лишь индивидуальный, либеральный миф. Либеральный миф призывает бороться за свободу и творить. Однако наука разоблачила этот миф: наш выбор и наше творчество — тоже продукт биохимических реакций в нейронах. И «свобода», и «Я» — лишь великий миф.

«Мы свободны следовать своим желаниям или подавлять их — однако мы не свободны пожелать того, а не этого», — считает Харари.

Признание «Я» и «свободы воли» фикцией вернет нам свободу. Человек должен понять, что он — не «связная история», не «аватар».

Люди проводят половину жизни в соцсетях, конструируя свое «Я». Другие люди видят в этом подмену реальной жизни, не замечая, что и в реальной жизни они опираются на иллюзии.

Либерализм отказался от великого нарратива религии и государства, но человек, нуждающийся в смысле, стал выстраивать такой же нарратив из собственного опыта.

Сейчас нам остается принять:

- неизбежность перемен;
- отсутствие связного сюжета собственной жизни;
- отсутствие абсолютных категорий свободы и смысла.

Но что же реально, если даже мое «Я» не вполне реально и не вполне мое? Мы можем познавать человеческое сознание с помощью науки; свое собственное сознание — методом прямого наблюдения (медитации), и чужое сознание, приняв реальность переживания, чем бы оно ни было вызвано.

Связь с реальностью, проверка реальностью все же существуют, даже если все остальное — алгоритмы, биохимические реакции, великие нарративы.

Реально страдание другого человека и мое сострадание. Только на этом основано и только в этом неизменно достоинство человека.

Сострадание — основа и суть природы человека

Последняя глава этой небольшой книги, где автор настоятельно рекомендует освоенную им еще в юности практику медитации, может смутить читателя, приверженного другим религиозным традициям, и тем более читателя нерелигиозного: не странно ли в книге, разоблачающей все мифы и иллюзии, в книге сугубо рациональной, наткнуться под конец на разговор о медитации? И что делать тем, кто не готов к такого рода истинам? С чем мы остаемся, когда Харари лишил нас даже иллюзии собственного «Я»?

Мы остаемся с реальностью другого человека. Удивительным образом и древние религии, и духовные практики (буддизм, йога, эзотерические учения), и классический либерализм, и лучшие образцы научной фантастики утверждают реальность чужого переживания. Даже если мы — подопытные кролики или голограммы в матрице, страдание конкретного человека всегда безусловно реально (в отличие от риторических фигур о «страдающей Отчизне»).

Декларация независимости и все последующие декларации прав человека в той или иной форме утверждают право человека на счастье, на стремление к счастью. Это право было бы пустым звуком, если бы авторы деклараций не признавали реальности страдания, реальности, побуждающей что-то менять, реальности, напрямую затрагивающей достоинство человека.

Так, совершив огромный круг — представив нам почти немыслимое и уже близкое будущее, где человек может утратить и биологический свой облик, и все привычные социальные статусы, и принять, как единственную данность, вечные изменения, — «21 урок для XXI века» приводит нас в ту точку, где некогда начинался древний человек.

Приводит в реальность другого, реальность сострадания. И это же — точка, где зарождается понятие о достоинстве человека. Именно к этому понятию часто апеллируют противники перемен: дескать, человек с искусственными органами, генно-модифицированный, живущий на другой планете, не раз-

множающийся половым способом, превратившийся в алгоритм внутри машины — уже не человек, его уникальное достоинство уничтожено.

А на самом деле достоинство человека уничтожается лишь отказом признать человеческое достоинство другого. И утверждается состраданием.

Эмпатия обладает поразительной способностью расширяться, охватывая все новые существа. Уже один из отцов политического либерализма Иеремия Бентам (1748–1832) отстаивал права животных на том основании, что они обладают способностью страдать. Ныне существуют общества, защищающие и права растений. Если появятся машины и алгоритмы, способные к страданию, сострадание распространится и на них.

Есть надежда, что развитие инфотехнологий и биотехнологий не лишит человека достоинства, но, возможно, достоинство человека распространится и на существа, предметы и даже явления, которые ныне мы не признаем «реальным другим».

10 ключевых мыслей Юваля Харари в книге «21 урок на XXI век»

1. В XXI веке происходят радикальные перемены, в результате которых ни человеческое общество, ни сам человек никогда уже не будут прежними. Ключевые перемены связаны с развитием информационных технологий и биотехнологий.
2. Ближайшее последствие развития инфо- и биотехнологий — исчезновение многих рабочих мест, необходимость неоднократной переквалификации.
3. Социальная реальность усложняется, возникает угроза для демократии: управление на основании Больших данных и с помощью алгоритмов, выделение вечной элиты.
4. Связанные с усложнением реальности, социальными изменениями и разочарованием в демократии страхи проявляются в форме нео-национализма и других попыток вернуться к «традиционному» (зачастую мифическому) прошлому.

5. Национализм, как и другие «-измы» — фикция, необходимая для объединения и сотрудничества, но становящаяся опасной, когда ее принимают за реальность.
6. Перед человечеством стоят глобальные проблемы, связанные с развитием инфо- и биотехнологий, с угрозой ядерной войны и парниковым эффектом.
7. Для решения глобальных проблем требуется не дополнительная над-национальная бюрократия, а навык учитывать на локальном уровне также и всемирные последствия.
8. Школа будущего должна давать не знания и даже не умение их добывать, а умение постоянно отстраивать цельную картину и быть готовым к постоянным переменам.
9. Новый человек обретет долголетие, но будет постоянно менять не только профессию и место жительства, но и круг друзей. И гендер, и многие ценности сделаются текучими.
10. Единственной реальностью в потоке перемен останется непреложность страдания и сострадания. Достоинство человека проистекает из сострадания.